

В Пушкиногорье все вроде бы вне времени. Дуб в Тригорском, который еще при Александре Сергеевиче был патриархом здешних лесов; липовая аллея в Михайловском, где, кажется, и сегодня слышны торопливые шаги поэта и счастливый смех его гостыни Анны Керн; Сорочь голубая, на берегах которой он так любил бывать; неприметный колодец, откуда брали воду к чаю девушки, посылаемые Ариной Родионовной.

А в зимние метели на усадьбе — вечный звон бубенцов, когда «мой двор уединенный, печальным снегом занесенный, твой колокольчик огласил», и вот, представляю, вновь повторится минута, когда на обледенелом крыльце будут топтаться, тиская друг друга в объятиях, — один в медвежьей шубе, другой — в ночной рубашке.

Это все открывает для себя каждый приходящий сюда, к Пушкину. Кажется, вне времени был воспринят и хранитель здешних мест — Семен Степанович Гейченко, который живет больше сорока лет на краю усадьбы в доме управляющего.

Фигура седовласого, энергичного хранителя стала столь же необходимой, привычной, как

и куст сирени, и соловьи по весне, как клен-малина, которая растет только здесь и больше нигде, как многое в этом «милом предделе» Пушкина.

И вдруг недавно — как гром среди ясного неба: Гейченко слагает с себя директорские полномочия, удовлетворена его просьба о выходе на пенсию, на которую, кстати, он мог уйти еще более чем четверть века назад.

Трудно представить меру его подвижнического труда. В апреле 45-го израненный солдат пришел в разрушенный, сожженный фашистами заповедник и с такими же, как он, энтузиастами принялся за восстановление пушкинского уголка.

Подвижничество С. Гейченко, как известно, отмечено Звездой Героя Социалистического Труда (этой высшей награды он удостоен первым из музейщиков). Во всем мире знают и чтут его, читают его книги о заповедных пушкинских местах.

Услышав об отставке, люди засыпали Пушкиногорье телеграммами, письмами, телефонными звонками: как это случилось, почему, что с Семеном Степановичем?

Успокойтесь! Он не ушел. Он просто-напросто не сумел бы этого сделать. Покинуть заповедник — это как уйти от самого себя. А разве такое возможно?

Старый музейщик стал главным хранителем-консультантом музея. День его по-прежнему занят. Единственное — нет теперь в его порядке постоянной директорской суеты. И это отрадно. Однако ежедневно несколько часов — ответы на письма читателей и почитателей Пушкина. Еще несколько часов — на работу над рукописью, ибо «писатель должен писать», даже если ему уже идет 87-й год. По вечерам — музыка, раздумчивые беседы, прогулки.

Сколько важного, нужного, подчас многими забытого сохранила его удивительная память! Известно, как наша история переписывалась и перекраивалась, иные же ее страницы вообще вырывались напрочь. А мой собеседник — свидетель происходившего. Жестоким веком прошелась плугом и по его судьбе, перепахав ее изрядно.

Наша беседа с Семеном Степановичем — о прошлом и настоящем, о вчерашнем и сегодняшнем днях, об их взаимосвязи.

пример, по 58-й статье, а это самая страшная политическая статья, сидел в Севураллаге, потом был рядовым минометчиком. Имя раны в ногу. Потерял на войне руку. Так что жизнь знаю не понаслышке.

Но ведь это мы, советский народ, а никто иной, сломали хребет фашистскому зверю. И не рассылался, не расстался наш Союз в те годы жестоких испытаний, а, наоборот, стал крепче.

Конечно, было много черного, много лиха. Но ведь люди жили. Строили свой общий дом, растили хлеб и детей. Пели песни, радовались жизни.

И не разъединяться нам надо сегодня, а стать поближе друг к другу. И не в «пророчествах» мы нуждаемся, а в научном анализе ситуации, очень трудной, кризисной. В чем сила науки? Она может рассмотреть завтрашний день. Она может предсказать его, «вычислить».

Я музейный работник. Много лет занимаюсь Пушкиным, изучаю то, что он видел, где жил, что ел, каким образом пришло к нему понимание гармонии в природе, чему и как поэт учился у своего народа. И мне в результате долгих десятилетий этой работы особенно понятно, почему Пушкин стал певцом добра, любви, человечности. Иным и не может быть поэт, прикоснувшийся к глубинам народного духа.

Я чувствую, как вновь в нужней нам Пушкин. Вот сейчас все больше идет разговоров о создании Пушкинского общества. Оно у нас существовало до 1952 года, я сам был его членом. Думаю, что это общество сделает его членов и многих других добрее к миру, сострадательней к другим людям. Нам сейчас так не хватает доброты и участия!

— Последний вопрос: над чем вы работаете?

— Я сейчас работаю над книгой «Народ о Пушкине». Это будет книга, совершенно непохожая на те, что я писал прежде.

Это мнения, мысли, думы народа о своем певце, о том, что поэт, взяв от народа, несет народу сегодня. Материала для этого труда предостаточно. Народ вачал эту книгу еще в конце прошлого века, когда в открытой при Святогорском монастыре читальне появились записи первых впечатлений от посещения Пушкинского уголка, от встречи с Пушкиным, чей прах покоится здесь, под стенами Успенского собора.

Говорят, для каждой книги необходимо свое время. Литература о Пушкине — неисчерпаема. Но именно такой книги еще нет. И, очевидно, пришло время для ее написания.

Беседу вел
В. ВОРОБЬЕВ.
с. Михайловское,
Псковская область.

Осмысливая связь времен

С. Гейченко: Все раскритиковать, все охаять — еще не значит быть революционным

— Семен Степанович, какими вам помнятся первые годы Октября?

— Я был мальчишкой, который уже собирался стать взрослым. Во всяком случае старался рассуждать как взрослый. Время было тревожное. То, чем жили вчера, оказалось вдруг непригодным, а завтрашний день был, как говорится, покрыт тайной неизвестности.

В 17-м году мне исполнилось 14 лет, я учился в гимназии. Так вот, первым делом закрылись реальные училища и гимназии. Потом перестали отапливаться все государственные учреждения, высшие учебные заведения. На каждой улице жгли костры, чтобы прохаживать все государственные учреждения, высшие учебные заведения. На каждой улице жгли костры, чтобы прохаживать все государственные учреждения, высшие учебные заведения. На каждой улице жгли костры, чтобы прохаживать все государственные учреждения, высшие учебные заведения.

Голод, холод, неуверенность в завтрашнем дне порождали нервозность. Наверное, не у всех, за всех я не говорю. Но лично мне запомнилось такое ощущение. И когда сегодня меня пугают якобы возможной гражданской войной, мне, пережившему ее ужасы в молодости, становится страшно. А ведь вы даже не представляете, что это такое!

По-моему, некоторые сверхрадикалы сегодня вообще склонны нагнетать всяческие угрозы, сеять панику. Хотелось бы сказать в связи с этим вот о чем. Иные из тех, кто ныне пользуется довольно-та-

ки широкой популярностью, на самом деле просто-напросто спекулируют на людском недовольстве, нехватках, дефиците. И многие из них на выборах народных депутатов победили не потому, что у них была какая-то новая «программа», отличная от программы других кандидатов, а потому, что люди голосовали против старого бюрократического, командного стиля, когда человека, что называется, в грош не ставили.

Ведь как было раньше? Вы же знаете. Никаких фактических выборов. По существу — назначение, шедшее сверху. Например, у нас в Пушкиногорском районе несколько лет назад погиб депутат Верховного Совета РСФСР, молодой механизатор совхоза. Так что вы думаете? На его место была выдвинута кандидатура тоже молодого механизатора, передового, беспартийного, имеющего среднее образование. Короче, заполнили оголившуюся клеточку в кем-то составленном раскладе.

Вот людям и надоело, когда в высоких кабинетах им отводили всего лишь роль пешек. Вот и обрадовались (от души!), что теперь можно по-настоящему выбирать.

Но, думаю, более внимательно и взыскательно должны мы подходить к отбору своих избранных. Знаете, послушайте сейчас по телевидению некоторых «лидеров» — и диву даешься. Да неужели за такими можно идти? Куда же они приведут? Все раскритиковать, все охаять — еще не значит быть революционным. А что же ты предлагаешь вза-

мен? Как ты думаешь накормить народ, обогреть, чем думаешь наполнить его душу, если сам ты нищий и босый духовно?

— А я считал, что Михайловское вроде далеко от «кипящих» точек и вы живете как бы одними «вечными» вопросами?

— Это не так. Сегодня, по моему, нет посторонних и равнодушных к происходящему в стране. Даже те, кто живет в глубинке, знают обо всем из газет, по радио, телевидению. Сегодня вся страна — арена или зрительный зал, кому как угодно считать.

Жизнь с ее бурным пульсом, а порой и с нервозностью не просто входит в любой дом — буквально врывается. В разных проявлениях. Вот, скажем, мне пишут, спрашивают при встречах и даже требуют, чтобы Святогорский монастырь, где отпевали Пушкина и под стенами которого он покоится, был отдан церкви. Экспозиции предлагают вынести из собора. А там проводить службы с вечным поминовением Пушкина.

Но ведь научный музей и церковь — разные вещи. А Святогорский монастырь — это музей.

Да, я в свое время реставрировал звонницу в Успенском соборе Святогорского монастыря, собрал колокола, восстановил сгоревшую в войну часовню на Савкиной горке. Кстати, в строительстве этой часовни участвовали поэт М. Дудин, художники А. Мьяльников, А. Соколов, другие уважаемые люди. Они сами копали землю,

таскали бревна, возводили крышу.

Между прочим, за все это я едва не был снят с работы. В Москву ушел донос — приехала из министерства разбираться девчонка, ничего в этих делах не смыслящая. Прошел слух, что я буду вот-вот отрешен от должности. Со мной кое-кто уже перестал здороваться: дескать, коммунист, член райкома, а работает на церковь. Спасибо, положил этому конец тогдашний первый секретарь Псковского обкома партии Иван Степанович Густов.

Да, так было... А что касается поминовения Пушкина, отвечаю я, заказывайте службы во храме, который расположен по соседству со Святогорским монастырем. А если это вас не устраивает, можете принять за восстановление церкви на городище Воронич. К этой церкви были когда-то приписаны Пушкины и Ганнабалы. И звон ее колоколов будет хорошей иллюстрацией к рассказу о знаменитом Ворониче, о попе Раевском по прозвищу «Шкода». Кстати, дочь Раевского, в замужестве Скоропостижная, прожившая более ста лет, оказалась последней поминувшей живого Пушкина. Советские газеты, когда она скончалась, почтили ее некрологом.

— Как вы считаете, почему в наше беспокойное время Пушкин вновь становится объектом споров?

— Так было всегда в переломные годы. Ведь после революции, напомним, именно Пушкина предлагали сбросить с корабля современности. Бы-

ли сожжены не только Тригорское, Петровское, связанные с именем великого поэта, но и его Михайловское.

— Кто же это сделал?

— Всякие провокаторы и подстрекатели, чтобы обвинить большевиков в том, что они уничтожают все святое. Но мы же знаем, как Ленин чтит Пушкина. И, кстати, один из первых советских декретов по культуре был посвящен объявлению Михайловского и его окрестностей заповедным местом. Образованный вскоре музей был причислен к Академии наук.

Широко праздновалось в стране столетие со дня гибели великого поэта. Пушкин вновь занял подобающее ему место в отечественной культуре. В войну при освобождении Пушкинских Гор была выпущена листовка: «По Михайловскому не стрелять!»

Пушкинский музей-заповедник был в числе самых главных объектов, которые надлежало разминировать и восстанавливать безотлагательно. Известно, фашисты заминировали даже могилу поэта, и лишь стремительный натиск наших войск не дал им привести свой злодейский замысел в исполнение. Добавлю: они упражнялись в стрельбе по иконам, под которыми в свое время лежал убитый Пушкин...

Но сегодня ничто не напоминает об этих варварствах, будто и не было их на нашей земле. В Михайловском родился замечательный праздник поэзии, приуроченный ко дню

рождения Пушкина. Ныне на этом празднике можно встретить поэтов со всего мира. Пушкин раздвинул пределы Отечества. Он необходим миру. Он — достояние мировой культуры.

И вот сейчас, когда у нас неспокойно, кое-кто опять пытается «свалить» Пушкина. В Кишиневе, например, как мне стало известно, был осквернен его памятник, поставленный там более ста лет назад.

Как назвать такое? Это удар не только по душе русского, советского человека, но и по душе человека вообще. Только представьте, на что замалчиваются эти ослепленные ненавистью люди!

Сейчас совершенно ясно, что в числе основных проблем намечается новая: Пушкин в современном мире. Почему? Почему Пушкин стал такой главной фигурой, почему через Пушкина просматривается многое, чуть ли не всё? Есть о чем задуматься. А что такое двадцать пушкинских музеев? Это миллионы людей, которые приобщаются к Пушкину. А многомиллионные тиражи его книг? Пушкин исторически стал основной фигурой в русской культуре и одной из самых главных фигур в культуре современного мира. Надо понять и объяснить, почему это произошло.

— Сейчас идет немало разговоров о том, что ничего отрадного будто бы не было в истории нашего Отечества с Октября. Что вы думаете на этот счет?

— Я с этим категорически не согласен. Это и говорить, было много всякого, чего не пожелаешь никому. Я сам, на-